

И. В. Вишев

СЕГОДНЯ МАЛО БЫТЬ ПРОСТО МАТЕРИАЛИСТОМ И АТЕИСТОМ

I. V. Vishev

NOWADAYS IT IS NOT ENOUGH TO BE A MATERIALIST AND ATHEIST

Рассматривается назревшая необходимость усиления традиционной критики материализмом и атеизмом реанимируемой религиозной философии и дальнейшего развития научно-оптимистического мировоззрения в отношении решения проблемы смерти и бессмертия человека с позиций концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения (иммортологии).

Ключевые слова: *материализм, атеизм, религиозная философия, иммортология, умершие как «экспериментаторы», виртуальная реальность.*

The article deals with the necessity to strengthen traditional criticism with materialism and atheism of the revived religious philosophy as well as further development of scientific and optimistic world outlook in response to the solution of the problem of mortality and immortality of a man from the viewpoint of the concept of practical immortality of a person and his real resurrection (immortality studies).

Keywords: *materialism, atheism, religious philosophy, immortality studies, deceased persons as experimenters, virtual reality.*

Для современной российской действительности давно уже стал характерным процесс откровенно поощряемой и потому постоянно нарастающей клерикализации жизни России. В этих условиях уже стало модным причислять себя к приверженцам той или иной конфессии, нередко даже не будучи верующим человеком. Сложившаяся ситуация неизбежно вносит сумятицу в статистику по данному вопросу, заведомо обрекая ее на путаницу и недостоверность. Но данный процесс имеет и целый ряд действительно серьезных последствий, нежели просто мода.

Социально-политический заказ на религию в сегодняшней России все больше находит отклик в разных слоях нашего общества, недаром утверждается — спрос рождает предложение. Как ни печально, данная тенденция все явственнее проявляется и в философском сообществе, в частности, можно, пожалуй, говорить об определенной реанимации религиозной философии, даже в учебной литературе, например по истории и философии науки, то есть нынешнем аспирантском курсе, с которым я связывал большие надежды.

Действительно, если прежде философская подготовка аспирантов сводилась, по сути дела, к троекратному повторению одной и той же учебной программы по философии (для студентов, на вступительных экзаменах в аспирантуру и в самом аспирантском курсе с малосущественными модификациями, например с более пространным разделом по истории философии для аспирантов), то теперь, казалось бы, она должна была бы быть непосредственно направленной на профессиональную подготовку молодого ученого, именно ученого,

поскольку, в частности, предполагает написание реферата о той отрасли науки, в которой он решил специализироваться, кроме того, на изучение общих проблем именно философии науки, а не философии вообще, так или иначе уже знакомой, и, наконец, на рассмотрение специальных философских проблем, связанных с научными интересами соискателя ученой степени.

Однако на деле все оказалось далеко не так радужно, как ожидалось. Разработка философии науки оказалась связанной с деятельностью западных, главным образом американских и европейских ученых, тоже нередко отдающих дань религии или, по крайней мере, более чем лояльно относящихся к ней (например К. Фейерабенд). Так что российская ситуация получила еще своеобразную «подпитку» извне. Пожалуй, особенно наглядно новые тенденции философии проявляются в утверждении, будто в современной науке происходит возврат к античному типу рациональности с характерной для него умозрительностью. Так, в учебнике «Основы философии науки», сославшись на якобы новый статус научной космологии «как дисциплины, изучающей принципиально ненаблюдаемые объекты», что «породило проблему бессмысленности экспериментов и наблюдений в отношении предсказываемых ею фактов. Критериями истинности космологической теории становятся внутринаучные критерии, которые базируются на таких принципах разума, как целесообразность, соразмерность, гармония»¹, которые ведут к субъективизму и произвольным умозрительным построениям. И древнегреческий философ Платон это наглядно демонстрирует.

«Космос, — считал Платон, — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин»². Эти слова древнего грека один из авторов данного учебника цитирует с явным пиететом. А далее дается следующее разъяснение платоновских воззрений: «Античный Космос — это образ демиурга (творца), а человек создан по принципу «космической гармонии». Человеческое существо совершенно в силу совершенства Космоса»³. И подобного рода образчик античной рациональности, которая по существу своему оборачивается иррациональностью, последовательно обосновывается, без тени смущения, в качестве вполне достойного стиля мышления и его продукта для современной науки. Но это еще далеко не все.

В том же контексте сравнение современной научной рациональности с античной с целью сведения первой ко второй, в учебнике делается следующее важное дополнение: «В платоновской и неоплатоновской античной традиции, — утверждается в нем, — для получения истинного знания также признавалась необходимость опыта, но опыта «умного», который «ставит» душа, не обращаясь к помощи ощущений и телесных чувств. Опыт души — это только умственное рассмотрение. Душа и есть собственно субъект познания, если можно применить этот термин в античном контексте. Платон считал, что душа ведет рассуждение сама с собой, «сама себя спрашивая и отвечая, утверждая и отрицая». При этом она не обращается за поддержкой к телесным ощущениям»⁴. Так принципы идеалистической «линии Платона» предписываются постнеклассической науке и философии, как будто в античности не было никакой материалистической «линии Демокрита».

Подобная волна захлестывает не только философию, но, например, и психологию, которая, пожалуй, всего ближе к ней. Приведу хотя бы один пример. Так, В. П. Зинченко предпринял попытку возродить идеалистические воззрения Г. Г. Шпета, обратившись к его статье столетней давности «Работа по психологии», которую он, естественно, оценил очень высоко и целенаправленно. «Особая прелесть «Работы по психологии» Г. Г. Шпета состоит в том, — специально подчеркнул он, — что в ней вполне уместно и оригинально используются понятия души и душевных явлений»⁵. Не случайной поэтому стала резюмирующая мысль Шпета, которую привел автор этой статьи. «Стоит только отрешиться от представления души как субстанции, — полагал Шпет, — чтобы тотчас отбросить и все гипотезы об ее роли, как субстанциального фактора в социальной жизни. То же относится к термину «дух». Только при этом условии оба термина... могут толковаться как субъект... чего от «духа» требовал уже Гегель»⁶. Так что «линия Платона» продолжалась и в данном случае.

Она потребовалась самому Зинченко для того, чтобы, опираясь на известный авторитет идеалистической философии и психологии, с большей уверенностью высказать собственное суждение по данному вопросу. «Думаю, — заключает он, — что и психологам пора перестать испытывать ложный стыд, не уподобляться физиологическим психоло-

гам и, что еще хуже, не идентифицироваться с ними и восстановить понятия «душа» и «дух» в правах гражданства»⁷. Так пытаются сохранить древнейшее суеверие в его новейших одеяниях в контексте современной науки.

В данном случае нет необходимости дальше продолжать рассмотрение этой темы, ибо это увело бы далеко в сторону от главного замысла данной статьи. Нельзя только лишней раз не отметить, что очевидный процесс реанимации религиозной философии как одного из наиболее опасных проявлений клерикализации действительно представляет собой исключительно большую и принципиально важную проблему, решение которой требует серьезного специального рассмотрения с последовательных позиций материализма и атеизма, всегда противостоящих религии и идеализму в интересах развития научно-философской мысли. Однако сегодня этого уже стало недостаточно, ибо возникли дополнительные настоятельные требования к современному научно-материалистическому мировоззрению — прежде всего стать оптимистичным.

Дело в том, что сказанное вначале является лишь своего рода преамбулой к подлинной теме настоящей статьи. Описанная ранее ситуация, сложившаяся в философском сообществе, обусловленная, в частности, процессом клерикализации, особенно мотивировала мой интерес к книге Александра Никонова «Формула бессмертия». Произошло это по двум основным причинам. Во-первых, как сказано в аннотации, автор книги — «твердый и последовательный материалист, атеист и прагматик»⁸, т. е. родственный мне по мировоззрению автор, поскольку сам я и материалист, и атеист; во-вторых, и это главное, книга посвящена исследованию проблемы, которой сам я занимаюсь более полувека именно с позиций материализма и атеизма, и я не мог заранее не порадоваться, что в свет вышла такая книга. Однако, к сожалению, радость оказалась явно преждевременной.

Сразу же следует отметить, что книга Никонова, хотя и очень большая, содержательная, собравшая многочисленный, разнообразный и интересный материал, полезный в любом случае, как ни горько, написана в традиционно материалистически-пессимистическом смысле, так что в данном отношении книга эта ничего принципиально нового не дает, только лишней раз укрепляет читателя в убеждении о неизбежности смерти. Поэтому здесь нет необходимости давать подобному творению подробный разбор. Он мало что сейчас даст, поскольку это потребовало бы слишком много времени и места. Вполне достаточно поэтому привести главный вывод автора книги «Формула бессмертия» и кратко прокомментировать его с научно-оптимистической точки зрения «продвинутого» материализма и атеизма.

Этот вывод, звучащий весьма оригинально, поскольку автор книги как бы «разыгрывает с проблемой бренности нашей земной жизни классическую шахматную четырехходовку»⁹, гласит: «Итак, пытаюсь выиграть у смерти, мы пока получили мат. И кучу научных загадок. Может быть, у наших потомков будет возможность отыграться в следующей

партии, но не уверен. А мы с вами точно умрем. Все люди, про которых написано в этой книге, которые стремились, боялись, создавали и строили, выкладывая рисунок цивилизации своими помыслами, умрут. И вы умрете. И я умру. Но останется текст бытия, написанный нами для других. А смерть... Смерть — это свобода от бесконечных стремлений, наконец-то обретенная тем, кого больше нет»¹⁰.

Приговор этот не нов, суров, мрачен, пессимистичен, даже удручающ, но, к счастью, не верен, точнее — уже во многом не верен. До недавнего времени все материалисты и атеисты были искренне и глубоко убеждены, что вечные законы природы обрекают все живое, не исключая человека, на неизбежную смерть и иного быть не может. От том свидетельствовал непререкаемый опыт многотысячелетней истории смертных. Так сложилась, казалось бы, незыблемая смертническая парадигма, которая материалистам и атеистам представлялась очевидной. Напомню несколько их высказываний.

Так, французский философ XVIII в. Поль Гольбах, считавший, что все в природе необходимо и все в ней происходит и может происходить только так, как происходит, утверждал: «Если жизнь — благо, если необходимо любить ее, то столь же необходимо покинуть ее; и разум должен приучать нас принимать с покорностью веления рока»¹¹. А авторитетный немецкий философ XIX столетия Л. Фейербах утверждал: «Смерть естественная, та смерть, которая есть результат законченного развития жизни, не есть беда; смерть, однако, которая есть следствие нужды, порока, преступления, невежества, грубости, — конечно, зло. Эту смерть устраняйте из мира сего или, во всяком случае, пытайтесь как можно больше сократить сферу ее действия!»¹². Иначе говоря, он высказывался лишь за борьбу против преждевременной смерти, но отнюдь не против естественной, которую даже бедой не признавал. Не менее категоричным относительно неизбежности смерти был и его современник Л. Бюхнер. «Не размышление, а лишь упрямство, не наука, а лишь вера могут поддерживать идею личного бессмертия»¹³. К сожалению, практически тех же взглядов на неизбежность смерти придерживались и основоположники диалектико-материалистической философии¹⁴. Их в очередной раз, к не меньшему сожалению, утверждает и Никонов в своей книге. Правда, основоположники марксизма смогли сформулировать ряд мировоззренческих и методологических положений, которые оказали исключительно позитивное влияние на разработку современных конструктивных представлений о проблеме смерти и бессмертия человека. Как ни печально, Никонов и в этом отношении не дал ничего нового.

Вместе с тем надо особо подчеркнуть, что на протяжении всей своей истории, признавая смерть неизбежной, материалисты и атеисты никогда не бравировали этим, никогда не кичились своим мужеством перед ее лицом, никогда не были к ней равнодушны. Напротив, они считали неотвратимость смерти «несовершенством» человека, «горьким» фактом, «тяжелой» истиной. Эти взгляды разделяли и русские философы-материалисты. Объективная трудность заключалась в том, что наука просто не

давала никаких реальных надежд на устранение смерти. Но, по существу, именно как материалисты и атеисты, они всегда были открыты такой возможности. «Старчество и болезнь, — считал А. И. Герцен, — протестуют своими страданиями против смерти, а не зовут ее, и, найди они в себе силы или вне себя средства, они победили бы смерть»¹⁵. И со временем научно-технический и социальный прогресс открыли реальные перспективы борьбы с неизбежностью смерти ради победы над ней и достижения реального личного бессмертия.

Нужно также отметить, что, по моему убеждению, не следует преувеличивать силу приверженности мало-мальски мыслящих людей, и даже фанатиков, религиозным верованиям о посмертном существовании вследствие их очевидной практической бездоказательности, алогичности, крайней архаичности, явной связи с древними суевериями. Недаром верующих всегда посещают и тревожат разного рода сомнения на этот счет и другие «греховные» мысли. Л. Н. Толстой, в частности, отмечал: «Стоит только почитать требник, проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидеть, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни»¹⁶.

Люди обращались к религиям по данному вопросу вследствие их безальтернативности. Пафос же материализма и атеизма, начиная от Эпикура, заключался в том, чтобы освободить людей от страха перед несуществующими сверхъестественными силами, а значит, и страха смерти, причиной которой будто бы они являются, примирить с неизбежностью естественной смерти, достичь бессмертия в достойных делах, потомках и их доброй памяти. Но это бессмертие уже совсем другого рода. Большого из-за соответствующего уровня развития науки материализм и атеизм предложить не могли. Но сегодня этого уже мало.

Впервые сознательно поставил задачу придать материалистическому мировоззрению и всей науке оптимистический характер К. Э. Циолковский. «Бюхнеровский материализм, — полагал он, — никак нельзя заподозрить в отсутствии честности. Напротив, он рыцарски честен и даже страдает за это отсутствием к нему симпатии. Он только не закончен, так же, как мой, не представляет конца, а есть только естественное продолжение бюхнеровского»¹⁷. Однако сложившуюся ситуацию Циолковский видел и понимал существенно шире и глубже. «Вообще, — отмечал он, — материализм остановился на половине дороги в беспомощном и жалком состоянии, так как не дошел до отрадных выводов о вечной и безначальной жизни всего сущего, всякой частицы живой или мертвой материи. Он этим оттолкнул от себя всех жаждущих вечности и заставил их искать ее у философов других направлений, где сиял отрадней, хотя и туманный, свет нескончаемой жизни»¹⁸. Циолковский был убежден, что и философы-материалисты, и ученые-«натуралисты» пропели только «половину песенки», конец которой несравненно отраднее ее начала.

Им было разработано оригинальное учение, исходившее из тождества материи, вселенной и космоса, панпсихистских представлений и неуникальности земного разума, важнейшим выводом которого было утверждение: «Жизнь субъективна, непрерывна, смерти нет»¹⁹. Несомненная заслуга Циолковского, кроме всех прочих, заключается в том, что он один из первых, если не самый первый высказался против неизбежности естественной смерти, предпринял научный поиск решения данной проблемы, показал возможность оптимистического характера материалистического мировоззрения. И хотя сам он не смог решить проблему реального личного бессмертия, определенный шаг на этом пути им был сделан, ибо он допускал существование в космосе разумных бессмертных существ, заключенных в прозрачную оболочку, с замкнутым циклом обмена веществ, подобного земному, и живущих солнечными лучами. Но это были особые именно космические существа, а не люди, судьба которых, по Циолковскому, была принципиально иной. Так что проблема реального личного бессмертия осталась открытой, и надо было продолжать поиск ее решения.

Значительная доля заслуг подлинно современной постановки проблемы именно личного бессмертия, несомненно, принадлежит двум группам анархистов-биокосмистов — Северной (Александр Ярославский и др.), издавшей в 1922 году единственный, к сожалению, номер журнала «Бессмертие», и Московской (Александр Агиенко и др.), опубликовавшей четыре номера журнала «Биокосмист». Это был их «звездный» год. Далеко не все «исторические» анархисты, а лишь их небольшая горстка, но все же задалась дерзновенным вопросом, почему же, ратуя за подлинную свободу, выступая против любого авторитета, никто из них не выступил против авторитета «натуральной» смерти, которая явно ограничивает свободу человека, перед которой он заведомо несвободен. И они поставили двудединую задачу: устранить «временной локализм» человеческой жизни, то есть добиться личного бессмертия (иммортализма), преодолеть ее «пространственный локализм», то есть выйти за пределы планеты, освоить космическое пространство, установить межпланетные сообщения (интерпланетаризм).

Биокосмисты считали: «Личное бессмертие не дано, оно должно быть завоевано, реализовано, сотворено. Это не восстановление утраченного, как говорит Библия, но создание еще небывшего. Не восстановление, но творчество. То же относится и к завоеванию космоса. Иммортализм и интерпланетаризм — это максимальная, но не конечная цель. Это этапы и средства к безмерно великому творчеству. Но эта цель впереди — и потому она величайшая. Наша цель (реализация личного бессмертия, жизнь в космосе, воскрешение) исключает мистику, которая бросает в хаос, в пустоту»²⁰. При этом биокосмисты традиционно выступали против религии, опирались на работы К. Э. Циолковского, эксперименты Н. П. Кравкова и других ученых по оживлению тканей и т. п. Однако в то время их идеи отнюдь не были «смягчающим обстоятельством» в идейно-политической борьбе, и потому их постигла

судьба анархизма вообще. Но заслуги биокосмистов достойны самого глубокого признания.

На протяжении всей своей творческой жизни оптимистические взгляды на проблему смерти и бессмертия человека разделял А. М. Горький. В лекции «О знании», прочитанной им 30 марта 1920 года в Рабоче-крестьянском университете, великий писатель, мыслитель и общественный деятель, в частности, говорил: «Человеческий разум объявляет войну смерти как явлению природы. Самой смерти. Мое внутреннее убеждение таково, что рано или поздно, может быть, через 200 лет, а может быть, через 1000, но человек достигнет действительно бессмертия. Я не вижу вообще пределов мощи человеческого разума, я не вижу пределов его творчества»²¹. В контексте настоящей статьи по-особому значимо звучит следующее признание Горького: «...будучи материалистом, я могу мыслить о борьбе со смертью только как о деле практическом, требующем экспериментального исследования»²². Однако эти блистательные страницы истории русской философско-материалистической мысли Никонов просто проигнорировал. Кстати сказать, именно по инициативе Горького в 1932 году был организован Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) с целью решения данного круга проблем. Однако события в стране и мире не позволили сколько-нибудь значительно продвинуться в достижении этих великих и дерзновенных целей.

Очередная волна интереса к этим идеям и исследованиям в этой области относится ко второй половине XX века и началу XXI. Она связана с деятельностью таких ученых, как Л. В. Комаров, В. Ф. Купревич, П. А. Ребиндер, Г. Д. Бердышев, В. М. Дильман, Ю. И. Пичугин, М. В. Соловьев и многих других. Создавалось впечатление, что исследования в этой области будут продолжаться последовательно и неуклонно. Институт геронтологии — науки о старении и старости, организованный в Киеве в конце 50-х годов XX в., с середины 1980-х стал координатором всесоюзной отраслевой научной программы «Продление жизни», в качестве одного из пунктов которой была включена и персональная тема моего исследования. Однако вскоре начались события, приведшие сначала к так называемой «перестройке», а затем и к крушению СССР со всеми его всесоюзными программами. Пик роста средней продолжительности жизни миновал и началась «естественная убыль», вымирание населения россиян. Сегодняшние перемены в этом отношении вряд ли можно считать устойчивыми и надежными.

Еще в начале 1970-х годов была создана Международная ассоциация по искусственному увеличению видовой продолжительности жизни людей во главе с дважды лауреатом Нобелевской премии Л. Полингом. Одним из ее вице-президентов был Л. В. Комаров. Его официальным печатным органом стал журнал «Rejuvenation» (Омоложение), в одном из номеров которого была опубликована на английском языке моя статья «Человек разумный должен стать человеком бессмертным»²³. В середине 1970-х годов возникла ювенология — наука о способах сохранения и возвращения молодости, а вскоре

и Общественный институт ювенологии, первым директором которого стал доктор медицинских наук Л. М. Сухаревский. Мне также пришлось в разных качествах принимать участие в его работе.

Тогда же мною было предложено организовать Научный ювенологический центр с государственным статусом²⁴. Однако между ювенологами и геронтологами возникли конфронтационные отношения, силы оказались неравными, и ювенологический центр не был создан. Об этом остается только горько сожалеть, как и о последующих событиях тоже. Всесоюзный Институт геронтологии со временем оказался за рубежом, стал национальным, украинским и, естественно, утратил свою прежнюю роль и значение. Это нанесло непосредственный ущерб решению задачи продления жизни и россиян, и украинцев. Кстати сказать, геронтологи в принципе не приемлют ювенологию и ее идеи, не говоря уже о цели достижения реального личного бессмертия. Между тем русская философия и наука сделали для этого исключительно много²⁵.

В качестве своеобразного резюме мною было введено понятие «иммортологии» — науки о бессмертии²⁶. Оно было принято научным сообществом, в частности, проблемам этой науки были посвящены два «круглых стола», организованных и проведенных мною на XXI (Стамбул, 2003) и XXII (Сеул, 2008) Всемирных философских конгрессах, а также на ряде общероссийских философских форумах. Следовательно, на протяжении уже более чем столетия, наряду с выполнением традиционных функций материализма и атеизма, прибавились, по крайней мере, еще две в их неразрывной взаимосвязи — разрабатывать и поддерживать научные исследования, целью которых является сохранение молодости и победа над смертью ради достижения практического бессмертия человека и его реального воскрешения, и тем самым придачу материалистическому мировоззрению оптимистического характера. Поэтому сегодня, действительно, мало быть просто материалистом и атеистом.

Разработка данной проблемы в основном происходила в теоретической, философской, точнее преимущественно натурфилософской форме, и в практическую плоскость стала переходить совсем недавно. Естественно-научный прорыв в этой области произошел порядка полутора десятков лет тому назад, когда была открыта реальная возможность клонирования млекопитающих, а значит и человека, расшифрован его геном, стала широко использоваться регенерация стволовых клеток, была создана фирма КριοРус, открылись новые перспективы развития нанотехнологии, «компьютерного бессмертия», первые успехи синбиологии и многое другое. Александр Никонов, автор книги «Формула бессмертия», обо всем этом знает и пишет.

Вот только вряд ли он знает о том, что в этом вопросе проявилась и политическая позиция. Дело в том, что еще в 2002-м году был введен 5-летний мораторий и именно на клонирование человека как самый многообещающий метод восстановления человеческой жизни. Затем последовали два с половиной отрадных года перерыва. Но 10 марта 2010 года Госдума, по сути дела, продлила мораторий на

клонирование человека, точнее, внесла изменения только в одну статью, касающуюся срока «временного» запрета, который на деле оказался бессрочным. Прекращение моратория увязали с решением целого ряда проблем, в том числе религиозных.

Между тем религии по сугубо идеологическим соображениям изначально высказались против самой идеи клонирования, хотя, по моему убеждению, ни к клонированию, ни к науке вообще они не имеют никакого отношения. Не пришлось бы теперь ждать сотни лет извинений церкви за нынешнюю их позицию, как она извинилась за свое отношение к Николаю Копернику, Галилео Галилею и многому другому. Показательно, что за продление моратория единогласно проголосовали «Единая Россия» и «Справедливая Россия», тогда как против — КПРФ (за исключением троих, не принявших участие в голосовании) и ЛДПР. Против продления моратория, то есть за жизнь проголосовало 20,9 процента депутатов Госдумы, к сожалению, меньшинство, но значительное, многообещающее.

Так что вследствие негативного отношения к клонированию и решению других проблем Никонов, возможно и не желая того, оказался в стане тех, кто такого рода запретами тормозит прогресс науки, утверждает смерть. Действительно, его пафос не в том, чтобы преодолевать трудности, поддерживать новые возможности, а чтобы посеять сомнения. Он не верит в реальное бессмертие, в лучшем случае, в этом крайне сомневается. И его заключительное «слово о свободе» явно неуместно и несерьезно.

У меня сложилось впечатление, что название книги дал не сам автор, а редактор, чтобы быстрее ее сбыть. Действительно, о какой форме бессмертия может идти речь, если сам в бессмертие не веришь. Может быть, за такую «формулу» надо принять такие слова автора: «И вы умрете. И я умру. Но останется текст бытия, написанный нами для других»²⁷. Но ведь именно таковой, как уже отмечалось, и является традиционная формула старого материализма и атеизма, и много ли проку от нее будет нашим потомкам, если они останутся верны этой традиции, останутся на том же уровне борьбы со смертью?! Да, выражаясь словами Никонова, «мы пока получаем мат», поскольку еще не победили смерть, не добились ни одного бессмертного человека. Но теперь уже совсем не факт, что каждый из нас, умерев, не сможет вернуться к жизни, во всяком случае, наука сегодня располагает возможностью этого не допустить, и от нас теперь зависит, как скоро мы захотим эту возможность осуществить, хотя бы не препятствовать этим исследованиям, особенно со стороны религии и церкви.

И еще одна сторона практической плоскости решения этой проблемы появилась сегодня. Когда была организована фирма КριοРус, я вместе с супругой Ольгой Александровной заключил договора о криосохранении нашего мозга в случае смерти. Как ни горько, но случилось так, что это понадобилось слишком скоро: жена скончалась летом 2011 года. Сегодня ее мозг находится на криосохранении в этой фирме, а тело погребено в земле с применением по моей просьбе ряда приемов бальзамирования (что, к сожалению, невозможно проверить). Вследствие

криосохранения возникает очень важный психологический феномен я воспринимаю ее лишь как временно ушедшую, как участницу эксперимента с надеждой на возвращение к жизни, как продолжающую существовать в своего рода виртуальной реальности. И у меня самого возникло иное отношение к своей возможной смерти: именно не как уходу в безысходное небытие, а как участию в том же эксперименте с надеждой на возвращение к жизни. Разумеется, проблем много, некоторые из них еще не решены, но это не последнее слово науки. Чрезвычайно важно и актуально сегодня развивать ювенологию, ибо главная задача — жить, не умирая. И решению этого комплекса сложнейших проблем должен активно содействовать современный материализм и атеизм.

Примечания

1. Кохановский В. П., Лешкевич Т. Г., Матяш Т. П., Фатхи Т. Б. Основы философии науки : учебное пособие для аспирантов. — Ростов н/Д : Феникс, 2004. — С. 402.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же. — С. 403.
5. Зинченко В. П. Ответ психолога физиологам («Работа по психологии» Г. Г. Шпета) // Вопросы психологии. — 2009. — № 3. — С. 81.
6. Шпет Г. Г. Этническая психология // *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. — М. : РОССПЭН, 2006. — С. 419—420.
7. Зинченко В. П. Указ. соч.
8. Никонов А. П. Формула бессмертия. На пути к неизбежному. — М. : ЭНАС ; СПб. : Питер, 2012.
9. Там же.
10. Там же. — С. 719.
11. Гольбах П. Система природы. — М., 1940. — С. 200.
12. Фейербах Л. Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии // Избр. филос. произв. — Т. I. — М. : Госиздат, 1955. — С. 298.
13. Бюхнер Л. Сила и материя. — СПб., 1907. — С. 46.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. — Т. 20. — С. 610—611.
15. Герцен А. И. Концы и начала // А. И. Герцен. Соч. : в 2 т. — Т. II. — М. : Мысль, 1986. — С. 387.
16. Толстой Л. Н. Ответ на постановление Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма // Л. Н. Толстой: pro et contra. — СПб. : РХГИ, 2000. — С. 350.
17. Циолковский К. Э. Причина космоса. — Калуга : Издание автора, 1925. — С. 13.
18. Циолковский К. Э. Этика или естественные основы нравственности // Архив АН СССР. Ф. 555. Оп. 2. Д. 372. Л. 14.
19. Циолковский К. Э. Научная этика // Очерки о Вселенной. — М. : ПАИМС, 1992. — С. 129.
20. Биокосмист. — 1922. — № 3—4. — С. 16.
21. Горький А. М. О знании // Архив А. М. Горького. — Т. XII: Художественные произведения, Статьи. Заметки. — М., 1969. — С. 111.
22. Литературное наследство. — Т. 70. — М., 1963. — С. 589.
23. Vishev I. V. Homo sapiens to become Homo immortalis // *Rejuvenation. official journal of the international association on the artificial prolongation of the human specific lifespan*. — Belgica. — April 1982. — Vol. X/ — № 2. — P. 25—29. На русском языке статья была напечатана: Вишев И. В. Проблемы иммортологии. Кн. 1: Проблема индивидуального бессмертия в истории русской философской мысли XIX—XX столетий. — Челябинск : ЧГТУ, 1998. — С. 99—109.
24. Вишев И. В. Радикальное продление жизни людей (социальные, естественно-научные, философские и нравственные аспекты). — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. — С. 130—131.
25. Вишев И. В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. — М. : Академический Проект, 2005.
26. Вишев И. В. Геронтология и философия // *Философские науки*. — 1974. — № 1. — С. 155.
27. Никонов А. П. Указ. соч. — С. 719.

Поступила в редакцию 11 июля 2012 г.

ВИШЕВ Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Южно-Уральский государственный университет, действительный член Академии гуманитарных наук. iv-vishev@mail.ru, <http://www.immortology.susu.ru/>

VISHEV Igor Vladimirovich, Doctor of Science (Philosophy), professor of the Department of Philosophy and Sociology of South Ural State University, a full member of Academy of Humanitarians. E-mail: iv-vishev@mail.ru, <http://www.immortology.susu.ru/>